

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
УНИВЕРСИТЕТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ДИПЛОМАТИИФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЮЖНОЙ КОРЕИ ЗА 2014–2023 ГГ.:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Калилаев Садык Ансатбаевич

Выполнил студент группы 13-С

Факультета «Мировая экономика и менеджмент» 3-курс.

<https://doi.org/10.5281/zenodo.18077892>

Аннотация. В статье анализируются ключевые факторы экономического развития Южной Кореи за период 2014–2023 гг. с целью выявления взаимосвязи между современными теориями экономического роста и их практической реализацией на примере одной из ведущих инновационных экономик мира.

Результаты исследования, основанные на теоретическом анализе и статистической обработке макроэкономических данных, подтверждают применимость эндогенных теорий роста, теории структурных преобразований и институционального подхода для объяснения устойчивого экономического развития страны.

Ключевые слова: экономическое развитие, эндогенный рост, инновации, Южная Корея, R&D, структурные изменения.

Abstract. The article analyses the key factors of South Korea's economic development during the period 2014–2023, aiming to identify the relationship between modern economic growth theories and their practical implementation using one of the world's leading innovative economies as a case study. The research findings, based on theoretical analysis and statistical processing of macroeconomic data, confirm the applicability of endogenous growth theory, structural transformation theory, and the institutional approach in explaining the country's sustainable economic development.

Keywords: economic development, endogenous growth, innovation, South Korea, R&D, structural change.

Введение

За период 2014–2023 гг. Республика Корея продемонстрировала устойчивое экономическое развитие, сохранив позиции одной из наиболее конкурентоспособных и инновационно ориентированных экономик мира. В условиях глобальных экономических потрясений — пандемии COVID-19, замедления мировой торговли и геополитической нестабильности — экономика Южной Кореи показала способность к адаптации и восстановлению (World Bank, 2023)¹.

¹ World Bank (2023) *World Development Indicators (WDI): Korea, Rep. (country page)*.

Актуальность исследования обусловлена тем, что опыт Южной Кореи представляет значительный интерес для экономической науки, поскольку позволяет проследить, каким образом теоретические модели экономического роста реализуются на практике в условиях высокоразвитой экономики. Особый интерес представляет анализ эндогенных факторов роста, инновационной активности и институциональных механизмов.

Целью работы является комплексный и всесторонний анализ факторов, повлиявших на экономическое развитие Южной Кореи за последние десять лет, на основе системного применения современных теоретических концепций экономического роста и детального изучения статистических данных, отражающих динамику макроэкономических показателей, инновационной активности и структурных изменений в национальной экономике.

Объект исследования — экономика Южной Кореи.

Предмет исследования — факторы и механизмы экономического развития.

Методология исследования включает комплексный теоретический анализ современных концепций экономического роста, применение статистических и сравнительных методов для оценки динамики ключевых макроэкономических показателей, а также систематизацию, обобщение и критическую интерпретацию данных международных организаций (таких как Всемирный банк, ОЭСР и МВФ).

Использование данного методологического подхода позволяет выявить долгосрочные тенденции экономического развития Южной Кореи, определить влияние инноваций, инвестиций в R&D и институциональных факторов на экономический рост, а также провести сопоставление национальных показателей с глобальными и региональными ориентирами.

I. Теоретический анализ

Экономическое развитие в системе экономических категорий

В современной экономической теории понятие экономического развития занимает центральное место и рассматривается как комплексный процесс, включающий глубокие количественные и качественные изменения в экономической системе. В отличие от экономического роста, который традиционно измеряется динамикой валового внутреннего продукта и отражает увеличение объёмов производства, экономическое развитие предполагает структурную трансформацию экономики, рост производительности факторов производства, улучшение институциональной среды и повышение уровня жизни населения (Todaro and Smith, 2020)². Экономическое развитие охватывает такие аспекты, как изменение отраслевой структуры, развитие человеческого капитала, технологический прогресс, социальная мобильность и институциональная стабильность. В работах А. Сена подчёркивается, что развитие следует рассматривать не только как рост доходов, но и как расширение экономических и социальных возможностей индивидов (Sen, 1999)³. Такой подход особенно актуален при анализе экономик, прошедших путь от индустриализации к экономике знаний, к числу которых относится Южная Корея. Разграничение понятий «экономический рост» и «экономическое развитие» имеет принципиальное значение для анализа последних десяти лет развития Южной Кореи.

² Todaro, M.P. and Smith, S.C. (2020) *Economic Development*. 13th edn. Harlow: Pearson.

³ Sen, A. (1999) *Development as Freedom*. Oxford: Oxford University Press.

Рост корейской экономики в данный период был обусловлен преимущественно интенсивными факторами, такими как инновации, цифровизация и повышение квалификации рабочей силы, а не экстенсивным расширением капитала или занятости.

Следовательно, использование категории экономического развития позволяет более адекватно оценить характер и устойчивость достигнутых результатов. Кроме того, в рамках современного подхода экономическое развитие рассматривается в контексте устойчивости, то есть способности экономики сохранять положительную динамику в условиях внешних шоков и структурных изменений. Опыт Южной Кореи за 2014–2023 гг. демонстрирует, что устойчивость развития во многом определяется качеством институтов и уровнем технологического развития (World Bank, 2023)⁴.

Неоклассическая теория экономического роста и её ограниченность

Неоклассическая теория экономического роста, наиболее ярко представленная моделью Р. Солоу, долгое время занимала доминирующее положение в экономической науке. В рамках данной модели долгосрочный рост определяется накоплением физического капитала, ростом трудовых ресурсов и экзогенным технологическим прогрессом (Solow, 1956)⁵. Данная концепция позволила объяснить механизм долгосрочного равновесия и процесс конвергенции доходов между странами. Однако в последующие десятилетия выявились существенные ограничения неоклассического подхода. Прежде всего, экзогенный характер технологического прогресса не позволяет объяснить, почему некоторые страны на протяжении длительного времени демонстрируют более высокие темпы роста, чем другие. Кроме того, модель Солоу не учитывает роль человеческого капитала, инновационной активности и институциональных факторов, которые в современных экономиках играют ключевую роль. Применительно к Южной Корее неоклассическая модель объясняет лишь ранние этапы экономического развития, когда рост был обусловлен накоплением капитала и расширением промышленного производства. Однако в последние десять лет экономическое развитие страны характеризуется переходом к инновационно ориентированной модели, что выходит за рамки объяснительных возможностей модели Солоу. Это обуславливает необходимость обращения к альтернативным теоретическим подходам.

Эндогенные теории роста и роль инноваций

Ответом на ограничения неоклассической теории стали эндогенные модели экономического роста, в рамках которых технологический прогресс рассматривается как результат внутренних экономических процессов. Одной из наиболее значимых является теория П. Ромера, согласно которой инвестиции в знания, научные исследования и инновации являются ключевым источником долгосрочного роста (Romer, 1990)⁶. В эндогенных моделях знания обладают свойством неконкурентности, что позволяет использовать их многократно без снижения эффективности.

Это приводит к возникновению положительных внешних эффектов и возрастающей отдаче от инвестиций в инновации.

⁴ World Bank (2023) *World Development Indicators (WDI): Korea, Rep. (country page)*.

⁵ Solow, R.M. (1956) 'A Contribution to the Theory of Economic Growth', *The Quarterly Journal of Economics*, 70(1), pp. 65–94.

⁶ Romer, P.M. (1990) 'Endogenous Technological Change', *Journal of Political Economy*, 98(5), pp. S71–S102.

Таким образом, экономика, активно инвестирующая в R&D, способна поддерживать устойчивые темпы роста без необходимости постоянного увеличения объёмов традиционных факторов производства.

Экономическое развитие Южной Кореи за последние десять лет в значительной степени соответствует положениям эндогенной теории роста. Высокий уровень расходов на исследования и разработки, активная государственная поддержка инновационных отраслей и развитая система взаимодействия между университетами и бизнесом сформировали устойчивую инновационную экосистему. Это позволяет рассматривать инновации не как следствие экономического роста, а как его первопричину.

Теория человеческого капитала и образовательная модель развития

Существенное развитие эндогенных теорий роста получило благодаря включению фактора человеческого капитала в анализ экономического развития. Теория человеческого капитала, разработанная Г. Беккером, исходит из того, что инвестиции в образование, профессиональную подготовку и здоровье населения повышают производительность труда и формируют основу для долгосрочного экономического роста (Becker, 1964)⁷. В отличие от традиционного подхода, рассматривающего труд как однородный фактор производства, теория человеческого капитала подчёркивает качественные различия рабочей силы. В контексте экономического развития Южной Кореи теория человеческого капитала приобретает особую значимость. Государственная политика страны на протяжении нескольких десятилетий была ориентирована на формирование высококвалифицированной рабочей силы как ключевого ресурса экономического роста.

Высокий уровень охвата высшим образованием, значительные государственные расходы на образование и приоритетное развитие STEM-дисциплин позволили создать прочную основу для перехода к экономике знаний. За последние десять лет данная стратегия получила дальнейшее развитие. Южная Корея активно инвестировала в цифровые навыки, инженерное образование и научные исследования, что позволило рабочей силе адаптироваться к процессам автоматизации и цифровизации. В результате человеческий капитал стал не просто фактором поддержки роста, а одним из его ключевых драйверов. Данный вывод полностью соответствует положениям теории Беккера и подтверждает её применимость к анализу корейской модели развития. Следует отметить, что в рамках теории человеческого капитала образование рассматривается не только как средство повышения индивидуальных доходов, но и как источник положительных внешних эффектов для всей экономики. В Южной Корее данные эффекты проявляются в форме роста инновационной активности, повышения технологической сложности производства и усиления экспортного потенциала.

Экономика знаний и технологический прогресс

В условиях глобальной цифровизации концепция экономики знаний приобретает всё большее значение для анализа экономического развития. Экономика знаний характеризуется доминирующей ролью нематериальных активов, инноваций и информации в формировании добавленной стоимости (OECD, 2019). В рамках данной модели ключевыми факторами роста выступают научные исследования, цифровые технологии и человеческий капитал. Южная Корея за последние десять лет активно трансформировалась в экономику знаний.

⁷ Becker, G.S. (1964) *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. New York: Columbia University Press.

Рост инвестиций в научно-исследовательскую деятельность, развитие цифровой инфраструктуры и поддержка высокотехнологичных отраслей способствовали формированию инновационно ориентированной структуры экономики. В результате технологический прогресс в стране приобрёл эндогенный характер, что соответствует выводам теории П. Ромера. Важно подчеркнуть, что экономика знаний усиливает эффект масштабируемости инноваций. Разработки в области информационных технологий, полупроводников и телекоммуникаций находят применение в различных секторах экономики, повышая общую производительность. Таким образом, технологический прогресс становится системным фактором экономического развития, а не локальным явлением.

Теория структурных преобразований и отраслевые сдвиги

Существенный вклад в анализ экономического развития вносит теория структурных преобразований, согласно которой рост экономики сопровождается изменением отраслевой структуры и переходом от низкопроизводительных отраслей к высокотехнологичным секторам (Chenery, 1979)⁸. В рамках данной теории экономическое развитие рассматривается как процесс перераспределения ресурсов между секторами с различным уровнем производительности. Экономика Южной Кореи за последние десять лет демонстрирует чёткие признаки структурной трансформации. Наблюдается рост доли высокотехнологичных отраслей, таких как производство полупроводников, электроники, цифровых услуг и автомобильной промышленности. Одновременно снижается относительная значимость традиционных трудоёмких отраслей. Данные структурные сдвиги способствуют росту добавленной стоимости и повышению конкурентоспособности экономики. В рамках теории структурных преобразований такой переход рассматривается как необходимое условие устойчивого экономического развития, что подтверждает применимость данного подхода к анализу корейского опыта.

Институциональная теория и модель «развивающего государства»

Институциональная теория, разработанная Д. Нортом, подчёркивает ключевую роль формальных и неформальных институтов в обеспечении экономического развития.

Эффективные институты снижают транзакционные издержки, обеспечивают защиту прав собственности и формируют предсказуемую экономическую среду (North, 1990)⁹. Южная Корея традиционно рассматривается как пример реализации модели «развивающего государства», в рамках которой государство играет активную роль в формировании стратегических направлений экономического роста. За последние десять лет данная модель получила новое содержание, связанное с поддержкой инноваций, цифровизации и высокотехнологичных отраслей.

Государственная политика в Южной Корее направлена на координацию взаимодействия между государством, бизнесом и научными учреждениями. Такой подход позволяет минимизировать рыночные провалы и ускорить процесс технологической модернизации. В результате институциональная среда становится важным фактором экономического развития, дополняющим инновации и человеческий капитал.

⁸ Chenery, H.B. (1979) *Structural Change and Development Policy*. Oxford: Oxford University Press (published for the World Bank).

⁹ North, D.C. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

Теоретические дискуссии и ограничения корейской модели развития

Несмотря на значительные достижения, в научной литературе ведутся активные дискуссии относительно устойчивости корейской модели экономического развития. К числу основных проблем относятся демографическое старение населения, высокая концентрация экономической власти в руках крупных корпораций (чеболей) и зависимость от внешних рынков (OECD, 2023)¹⁰. С точки зрения теории экономического развития демографическое старение может привести к сокращению рабочей силы и снижению потенциальных темпов роста. Концентрация экономической власти, в свою очередь, может ограничивать конкуренцию и инновационную активность. Эти факторы требуют дальнейших институциональных реформ и адаптации модели развития к новым условиям.

Вместе с тем данные ограничения не отменяют теоретическую состоятельность корейской модели, а лишь подчёркивают необходимость её эволюции. В этом контексте Южная Корея представляет собой пример динамичной экономической системы, способной адаптироваться к изменяющимся условиям.

Выводы по первой части

Проведённый теоретический анализ позволяет сделать вывод о том, что экономическое развитие Южной Кореи за последние десять лет наиболее полно объясняется совокупностью эндогенных теорий роста, теории человеческого капитала, концепции экономики знаний, теории структурных преобразований и институционального подхода. Инновации, человеческий капитал и эффективные институты выступают взаимодополняющими факторами устойчивого экономического развития. Данные теоретические положения формируют концептуальную основу для эмпирического анализа, представленного во второй части исследования, целью которого является проверка их состоятельности на основе статистических данных за 2014–2023 гг.

II. Практический анализ

Методологические основания практического анализа

Практический анализ факторов экономического развития Южной Кореи за период 2014–2023 гг. основывается на принципах эмпирической верификации экономических теорий, рассмотренных в первой части исследования. В соответствии с эндогенными моделями роста, теорией человеческого капитала и институциональным подходом, ключевыми переменными анализа выступают валовой внутренний продукт, инвестиции в исследования и разработки, показатели производительности и структура экономики. В качестве эмпирической базы используются официальные статистические данные международных организаций — World Bank, OECD, а также национальной статистической службы Республики Корея. Эти источники широко применяются в академических исследованиях и обеспечивают высокую степень достоверности и сопоставимости данных (World Bank, 2023; OECD, 2023).

Долгосрочная динамика ВВП и устойчивость экономического роста

Рисунок 1. ВВП Южной Кореи в 2014–2023 гг. (млрд долл. США, текущие цены)

Год	ВВП
2014	1 410

¹⁰ OECD (2023) *Education at a Glance 2023: OECD Indicators (Report PDF)*.

2015	1 465
2016	1 502
2017	1 623
2018	1 722
2019	1 653
2020	1 638
2021	1 810
2022	1 734
2023	1 720

Источник: World Bank (2023), World Development Indicators.

Анализ данных показывает, что в период 2014–2018 гг. экономика Южной Кореи демонстрировала устойчивый рост, при котором среднегодовой темп прироста ВВП составлял **около 4,1%**. В 2019–2020 гг. наблюдалось замедление экономической активности, обусловленное сокращением мировой торговли и последствиями пандемии COVID-19. Однако в 2021 г. рост ВВП составил **4,3%**, что позволило экономике не только компенсировать спад, но и превысить докризисный уровень (World Bank, 2023). С точки зрения эндогенных теорий роста столь быстрое восстановление невозможно объяснить исключительно накоплением капитала. Оно свидетельствует о наличии внутренних источников устойчивости, прежде всего инновационного потенциала и высокого качества человеческого капитала (Romer, 1990).

Инновации и исследования как ключевой эндогенный фактор роста

Одним из наиболее показательных факторов экономического развития Южной Кореи является исключительно высокий уровень инвестиций в научные исследования и разработки.

Рисунок 2. Расходы на R&D в Южной Корее (% ВВП)

Год	% ВВП
2014	4.10
2015	4.20
2016	4.30
2017	4.40
2018	4.50
2019	4.60

2020	4.81
2021	4.93
2022	4.90
2023	4.98

Источник: OECD (2023), Main Science and Technology Indicators.

Для сопоставления следует отметить, что:

- средний показатель по странам ОЭСР в 2022 г. составил **2,67% ВВП**,
- в США — **3,45% ВВП**,
- в Германии — **3,13% ВВП** (OECD, 2023).

Таким образом, Южная Корея на протяжении всего десятилетия входила в **топ-2 стран мира по интенсивности инвестиций в R&D**. Согласно модели П. Ромера, устойчивый рост возможен в условиях постоянного накопления знаний и технологических инноваций (Romer, 1990)¹¹. Данные по Южной Корее подтверждают данный тезис: даже в кризисный 2020 г. расходы на R&D не сократились, а выросли на **0,21 процентного пункта ВВП**, что указывает на стратегический характер инновационной политики.

Производительность и технологическая эффективность

Рост инновационной активности находит отражение в динамике производительности труда. Согласно данным OECD, в период 2014–2023 гг. производительность труда (ВВП на одного занятого) в Южной Корее увеличивалась в среднем на 2,2% в год, что превышает средний показатель по ОЭСР (1,1%) (OECD, 2023)¹².

Рост производительности подтверждает тезис эндогенной теории о том, что инновации воздействуют на экономический рост не напрямую, а через повышение эффективности использования факторов производства.

Роль частного и государственного сектора в инновациях

Особенностью корейской модели является сочетание государственной координации и высокой активности частного сектора. По данным OECD, более 75% расходов на R&D в Южной Корее финансируются частными корпорациями, прежде всего в секторах электроники, полупроводников и автомобилестроения (OECD, 2023). В то же время государство активно участвует в формировании инновационной инфраструктуры, поддержке университетских исследований и защите интеллектуальной собственности.

Данный факт подтверждает институциональный подход Д. Норта, согласно которому эффективные институты усиливают воздействие инноваций на экономическое развитие (North, 1990)¹³. Проведённый анализ макроэкономической динамики и инновационной активности показывает, что экономическое развитие Южной Кореи за 2014–2023 гг. носит устойчивый и эндогенный характер.

Высокие инвестиции в исследования и разработки, рост производительности и активное участие частного сектора формируют прочную основу долгосрочного экономического роста.

¹¹ Romer, P.M. (1990) 'Endogenous Technological Change', *Journal of Political Economy*, 98(5), pp. S71–S102.

¹² OECD (2023) *Economic Survey of Korea 2023*. Paris: OECD Publishing.

¹³ North, D.C. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

Человеческий капитал как эмпирическое подтверждение эндогенных теорий роста

Одним из ключевых положений теории человеческого капитала является утверждение о том, что инвестиции в образование и навыки рабочей силы способствуют росту производительности и формированию устойчивых темпов экономического развития (Becker, 1964)¹⁴. В случае Южной Кореи данный тезис получает чёткое эмпирическое подтверждение на основе статистических данных за последние десять лет. Согласно данным OECD, Южная Корея стабильно занимает лидирующие позиции среди развитых стран по уровню образовательного охвата населения. В 2014 году доля населения в возрасте 25–34 лет, имеющего высшее образование, составляла 65,9%, тогда как в 2023 году данный показатель увеличился до 69,7% (OECD, 2023a)¹⁵. Для сравнения, средний показатель по странам ОЭСР в 2023 году составлял 47,4%, что указывает на существенное преимущество Южной Кореи в накоплении человеческого капитала.

Рисунок 6. Уровень образования населения (25–34 лет, %)

Страна	2014	2023
Южная Корея	65.9	69.7
Среднее по ОЭСР	41.0	47.4

Источник: OECD (2023a)¹⁶, Education at a Glance.

Данные свидетельствуют о том, что рост человеческого капитала в Южной Корее носит долгосрочный и системный характер. Это напрямую подтверждает положения эндогенных моделей роста, в которых человеческий капитал рассматривается как ключевой фактор накопления знаний и инноваций (Romer, 1990).

Государственные расходы на образование и качество рабочей силы

Анализ государственных расходов на образование позволяет оценить институциональную поддержку процесса формирования человеческого капитала. По данным Всемирного банка, в период 2014–2023 гг. расходы Южной Кореи на образование в среднем составляли 4,8–5,1% ВВП, что сопоставимо с уровнем развитых стран и превышает показатели ряда государств ОЭСР (World Bank, 2023).

Рисунок 7. Государственные расходы на образование (% ВВП)

Год	% ВВП
2014	4.9
2016	5.0
2018	4.8
2020	5.1
2022	4.9

Источник: World Bank (2023), Education Statistics.

¹⁴ Becker, G.S. (1964) *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. New York: Columbia University Press.

¹⁵ OECD (2023a) *Education at a Glance 2023: OECD Indicators (Report PDF)*.

¹⁶ OECD (2023a) *Education at a Glance 2023: OECD Indicators (Report PDF)*.

Инвестиции в образование сопровождаются ростом качества рабочей силы. Согласно данным OECD, доля работников, занятых в высококвалифицированных профессиях, увеличилась с **42% в 2014 году** до **49% в 2023 году** (OECD, 2023b). Это означает, что почти половина рабочей силы страны задействована в секторах с высокой добавленной стоимостью.

Рост доли высококвалифицированных работников подтверждает теорию человеческого капитала Беккера, согласно которой качество рабочей силы является определяющим фактором производительности и экономического развития (Becker, 1964)¹⁷.

Структурные преобразования экономики: отраслевой анализ

Теория структурных преобразований утверждает, что экономическое развитие сопровождается перераспределением ресурсов из низкопроизводительных отраслей в более технологически сложные сектора (Chenery, 1979)¹⁸. Экономика Южной Кореи за последние десять лет демонстрирует чёткое соответствие данной модели. Согласно данным Всемирного банка, доля промышленности с высокой добавленной стоимостью в структуре ВВП Южной Кореи увеличилась с 29,1% в 2014 году до 33,4% в 2023 году (World Bank, 2023). Одновременно сократилась относительная доля традиционных трудоёмких отраслей.

Рисунок 8. Структура ВВП Южной Кореи (% добавленной стоимости)

Сектор	2014	2023
Высокотехнологичная промышленность	29.1	33.4
Традиционная промышленность	18.7	14.9
Сфера услуг	52.2	51.7

Источник: World Bank (2023), National Accounts Data.

Данные изменения указывают на постепенный переход к экономике, основанной на знаниях и технологиях, что полностью соответствует теории структурных преобразований.

Экспорт как отражение структурных сдвигов

Внешнеэкономическая деятельность Южной Кореи также отражает глубину структурных преобразований. По данным Всемирного банка, объём экспорта товаров и услуг увеличился с 572 млрд долл. США в 2014 году до 632 млрд долл. США в 2023 году, несмотря на колебания, вызванные глобальными кризисами (World Bank, 2023).

Рисунок 9. Экспорт товаров и услуг Южной Кореи

Год	Экспорт (млрд долл. США)
2014	572
2016	509
2018	605

¹⁷ Becker, G.S. (1964) *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. New York: Columbia University Press.

¹⁸ Chenery, H.B. (1979) *Structural Change and Development Policy*. Oxford: Oxford University Press (published for the World Bank).

2020	512
2021	644
2023	632

Источник: World Bank (2023), Trade Statistics.

Особое значение имеет структура экспорта. В 2023 году доля высокотехнологичной продукции в общем объёме экспорта составила **около 46%**, включая полупроводники, электронику и автомобили (World Bank, 2023).

Данные подтверждают теорию конкурентных преимуществ М. Портера, согласно которой страны, инвестирующие в инновации и технологические кластеры, формируют устойчивые позиции на мировых рынках (Porter, 1990).

Производительность и структурная эффективность

Рост доли высокотехнологичных отраслей сопровождается повышением общей факторной производительности. Согласно оценкам OECD, индекс совокупной факторной производительности (TFP) в Южной Корее вырос в среднем на 1,3% в год в период 2014–2023 гг., тогда как средний показатель по ОЭСР составил 0,6% (OECD, 2023с).

Рост TFP подтверждает тезис эндогенных моделей роста о том, что инновации и структурные преобразования воздействуют на экономическое развитие через повышение эффективности использования факторов производства (Romer, 1990).

Анализ человеческого капитала, структурных преобразований и экспортной специализации показывает, что экономическое развитие Южной Кореи за последние десять лет опирается на системное накопление знаний, рост квалификации рабочей силы и переход к высокотехнологичной структуре экономики. Эти факторы эмпирически подтверждают положения теории человеческого капитала, теории структурных преобразований и теории конкурентных преимуществ.

Институциональное качество как фактор экономического развития

Согласно институциональной теории экономического развития, эффективность формальных и неформальных институтов играет ключевую роль в формировании устойчивых темпов роста, снижении транзакционных издержек и стимулировании инвестиционной активности (North, 1990)¹⁹.

В случае Южной Кореи институциональная среда является одним из важнейших факторов, усиливающих воздействие инноваций и человеческого капитала на экономическое развитие.

По данным Всемирного банка, Южная Корея стабильно относится к группе стран с высоким качеством государственного управления. В рамках индикаторов Worldwide Governance Indicators (WGI) страна демонстрирует высокие значения по таким направлениям, как эффективность правительства, качество регулирования и верховенство права (World Bank, 2023)²⁰.

¹⁹ North, D.C. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

²⁰ World Bank (2023) *World Development Indicators (WDI): Korea, Rep. (country page)*.

Рисунок 10. Индикаторы качества управления (перцентильные ранги, 2023 г.)

Индикатор	Значение
Эффективность правительства	83
Качество регулирования	86
Верховенство права	79
Контроль коррупции	77

Источник: World Bank (2023), *Worldwide Governance Indicators*.

Перцентильный ранг выше 75 означает, что страна опережает более 75% государств мира по соответствующему показателю. Это свидетельствует о высокой институциональной устойчивости экономики Южной Кореи.

Полученные данные подтверждают положения институциональной теории Д. Норта, согласно которой эффективные институты усиливают отдачу от инвестиций в инновации и человеческий капитал, обеспечивая долгосрочное экономическое развитие (North, 1990)²¹.

Цифровизация и электронное государство

Цифровизация экономики является одним из ключевых факторов повышения эффективности государственного управления и конкурентоспособности национальной экономики. Южная Корея за последние десять лет последовательно реализует стратегию цифровой трансформации, что находит отражение в международных рейтингах. Согласно UN E-Government Development Index (EGDI), Южная Корея в 2022 году занимала 3-е место в мире, уступая лишь Дании и Финляндии (United Nations, 2022)²². Индекс оценивает уровень цифровых государственных услуг, телекоммуникационной инфраструктуры и человеческого капитала.

Рисунок 11. Позиции Южной Кореи в рейтинге EGDI

Год	Место
2014	1
2016	1
2018	3
2020	2
2022	3

Источник: United Nations (2022), *E-Government Survey*.

По оценкам Министерства внутренних дел и безопасности Республики Корея, в 2023 году **более 95% государственных услуг** были доступны в онлайн-формате, что

²¹ North, D.C. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

²² United Nations (2022) *United Nations E-Government Survey 2022*. New York: United Nations.

существенно снизило административные издержки для бизнеса и населения (MOIS Korea, 2023)²³. Цифровизация государственного управления способствует снижению транзакционных издержек, повышению прозрачности и ускорению деловой активности, что полностью соответствует институциональному подходу к экономическому развитию.

Инвестиционный климат и деловая среда

Качество институциональной среды напрямую отражается на инвестиционной привлекательности страны. До прекращения публикации рейтинга Doing Business, Южная Корея стабильно входила в первую десятку стран мира. В рейтинге Doing Business 2020 Южная Корея занимала 5-е место из 190 стран, что свидетельствовало о высокой эффективности процедур регистрации бизнеса, защиты инвесторов и исполнения контрактов (World Bank, 2020)²⁴.

Рисунок 12. Позиции Южной Кореи в Doing Business (2020)

Показатель	Место
Общий рейтинг	5
Защита миноритарных инвесторов	3
Исполнение контрактов	2
Регистрация собственности	39

Источник: World Bank (2020), Doing Business Report.

Данные подтверждают институциональную теорию, согласно которой благоприятная деловая среда стимулирует инвестиции и экономическое развитие (North, 1990)²⁵.

Демографические факторы как структурное ограничение развития

Несмотря на значительные достижения, демографическая ситуация остаётся одним из наиболее серьёзных вызовов экономического развития Южной Кореи. С точки зрения теории экономического развития демографические факторы могут существенно влиять на потенциал роста через рынок труда и государственные финансы.

Рисунок 13. Демографические показатели Южной Кореи (2014–2023 гг.)

Показатель	2014	2023
Коэффициент рождаемости	1.21	0.72
Доля населения 65+	12.7%	18.0%
Медианный возраст	39.8	45.0

Источник: OECD (2023), Demographic Statistics.

²³ Ministry of the Interior and Safety (MOIS) (2023) *Digital Government Innovation (English)*. Sejong: Government of the Republic of Korea.

²⁴ World Bank (2020) *Doing Business 2020: Comparing Business Regulation in 190 Economies*.

²⁵ North, D.C. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

Снижение рождаемости и ускоренное старение населения приводят к сокращению численности рабочей силы и росту нагрузки на пенсионную систему.

По прогнозам OECD, к 2035 году доля населения старше 65 лет может превысить 30%, что создаёт долгосрочные риски для экономического роста (OECD, 2023b)²⁶. С точки зрения эндогенных теорий роста демографические ограничения могут быть частично компенсированы ростом производительности труда и внедрением технологий автоматизации. В этом контексте высокая инновационная активность Южной Кореи играет роль компенсирующего фактора.

Роль автоматизации и технологий в смягчении демографических рисков

Южная Корея является мировым лидером по уровню роботизации. Согласно данным International Federation of Robotics, в 2023 году плотность промышленных роботов в стране составляла 1012 роботов на 10 000 работников, что является самым высоким показателем в мире (IFR, 2023)²⁷.

Использование автоматизации и роботизации соответствует эндогенной модели роста, в рамках которой технологический прогресс компенсирует ограниченность традиционных факторов производства.

Финальный синтез практического анализа

Обобщая результаты практического анализа, можно сделать вывод, что экономическое развитие Южной Кореи за последние десять лет формируется под воздействием комплекса взаимосвязанных факторов. Высокие инвестиции в исследования и разработки, системное накопление человеческого капитала, структурная трансформация экономики и эффективная институциональная среда создают устойчивую модель экономического развития. Каждый из рассмотренных практических показателей находит теоретическое обоснование в эндогенных теориях роста, теории человеческого капитала, теории структурных преобразований и институциональном подходе. Таким образом, практический анализ полностью подтверждает теоретические выводы первой части исследования.

Итоговые практические рекомендации

На основе проведённого анализа можно сформулировать следующие выводы и рекомендации:

- Экономическое развитие Южной Кореи за 2014–2023 гг. носит устойчивый и инновационно ориентированный характер.
- Инвестиции в R&D и человеческий капитал являются ключевыми источниками долгосрочного роста.
- Эффективные институты и цифровизация усиливают воздействие инноваций на экономику.
- Демографические риски требуют адаптации экономической политики, включая автоматизацию и миграционные меры.

Заключение по практической части

Таким образом, расширенный практический анализ с использованием точных статистических данных и международных источников демонстрирует, что экономическое развитие Южной Кореи за последние десять лет является результатом комплексного

²⁶ OECD (2023b) *Economic Survey of Korea 2023*. Paris: OECD Publishing.

²⁷ International Federation of Robotics (IFR) (2023) *World Robotics 2023: Industrial Robots (Extended Version PDF)*. Frankfurt am Main: IFR.

взаимодействия инноваций, человеческого капитала, институционального качества и структурных преобразований.

Полученные результаты подтверждают научную состоятельность теоретических моделей и подчёркивают практическую значимость корейского опыта для других стран.

Общий вывод

Проведённое исследование было направлено на комплексный анализ факторов, повлиявших на экономическое развитие Южной Кореи за последние десять лет, с использованием как теоретических концепций экономической науки, так и эмпирических статистических данных. Целью работы являлось выявление ключевых источников устойчивого экономического развития и проверка состоятельности современных экономических теорий на примере одной из наиболее инновационно развитых экономик мира. Полученные результаты позволяют сделать ряд обобщающих выводов.

В первой, теоретической части исследования было показано, что традиционные неоклассические модели экономического роста, в частности модель Р. Солоу, обладают ограниченной объяснительной способностью применительно к современному этапу развития Южной Кореи. Экзогенный характер технологического прогресса в данных моделях не позволяет адекватно объяснить устойчивые различия в темпах роста и способность экономики к быстрому восстановлению после внешних шоков. В связи с этим особое внимание в работе было уделено эндогенным теориям экономического роста, теории человеческого капитала, теории структурных преобразований и институциональному подходу.

Теоретический анализ показал, что экономическое развитие Южной Кореи в значительной степени соответствует положениям эндогенных моделей роста, согласно которым инновации, знания и человеческий капитал выступают внутренними источниками долгосрочного роста (Romer, 1990)²⁸. Существенную роль также играет теория человеческого капитала, подчёркивающая значение инвестиций в образование и навыки рабочей силы для повышения производительности и конкурентоспособности экономики (Becker, 1964)²⁹. Дополняют данные подходы теория структурных преобразований, объясняющая переход к высокотехнологичной структуре экономики, и институциональная теория, акцентирующая внимание на качестве государственного управления и экономических институтов (North, 1990)³⁰. Практическая часть исследования была направлена на эмпирическую проверку данных теоретических положений на основе официальной статистики за период 2014–2023 гг. Анализ макроэкономической динамики показал, что экономика Южной Кореи демонстрировала устойчивый рост до 2018 года, временное замедление в период пандемии COVID-19 и быстрое восстановление уже в 2021 году. Данный факт свидетельствует о высокой адаптивности экономической системы и подтверждает выводы эндогенных теорий роста о роли внутренних факторов устойчивости (World Bank, 2023)³¹. Особое внимание в практическом анализе было уделено инновационной активности и инвестициям в исследования и разработки.

²⁸ Romer, P.M. (1990) 'Endogenous Technological Change', *Journal of Political Economy*, 98(5), pp. S71–S102.

²⁹ Becker, G.S. (1964) *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. New York: Columbia University Press.

³⁰ North, D.C. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.

³¹ World Bank (2023a) *World Development Indicators (WDI): Korea, Rep. (country page)*.

Статистические данные показали, что Южная Корея на протяжении всего десятилетия входила в число мировых лидеров по доле расходов на R&D, которая приближалась к 5% ВВП.

Более того, даже в кризисный период данные расходы не сокращались, что указывает на стратегический характер инновационной политики. Это эмпирически подтверждает ключевое положение эндогенной теории роста о том, что технологический прогресс является внутренним, а не внешним фактором экономического развития (OECD, 2023). Анализ человеческого капитала также подтвердил теоретические выводы первой части работы. Южная Корея демонстрирует исключительно высокий уровень образовательного охвата и значительную долю высококвалифицированных работников, что способствует росту производительности труда и развитию высокотехнологичных отраслей. Данные факты подтверждают применимость теории человеческого капитала к анализу корейской модели развития. Структурный анализ экономики и внешней торговли показал, что значительная часть добавленной стоимости и экспорта Южной Кореи формируется в высокотехнологичных секторах, таких как полупроводники, электроника и автомобилестроение. Это свидетельствует о глубокой структурной трансформации экономики и подтверждает положения теории структурных преобразований и теории конкурентных преимуществ (Porter, 1990)³². Вместе с тем в ходе исследования были выявлены и потенциальные ограничения дальнейшего экономического развития.

Наиболее значимым из них является демографическое старение населения и резкое снижение рождаемости, что в долгосрочной перспективе может оказывать негативное влияние на рынок труда и темпы экономического роста. Однако анализ показал, что Южная Корея частично компенсирует данные риски за счёт автоматизации, роботизации и роста производительности труда, что вновь подчёркивает роль технологического прогресса как ключевого фактора развития. В целом проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что экономическое развитие Южной Кореи за последние десять лет является результатом комплексного взаимодействия инноваций, человеческого капитала, структурных преобразований и эффективной институциональной среды. Практические данные полностью подтверждают теоретические выводы, что обеспечивает научную целостность и обоснованность работы. Опыт Южной Кореи может служить ценным ориентиром для стран, стремящихся к переходу на инновационно ориентированную и устойчивую модель экономического развития.

Литература

1. Becker, G.S. (1964) *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. New York: Columbia University Press. Available at: <https://www.nber.org/books-and-chapters/human-capital-theoretical-and-empirical-analysis-special-reference-education-first-edition> (Accessed: 17 December 2025).
2. Chenery, H.B. (1979) *Structural Change and Development Policy*. Oxford: Oxford University Press (published for the World Bank). Available at: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/147291468331145843/structural-change-and-development-policy> (Accessed: 17 December 2025).

³² Porter, M.E. (1990) *The Competitive Advantage of Nations*. New York: Free Press.

3. International Federation of Robotics (IFR) (2023) *World Robotics 2023: Industrial Robots (Extended Version PDF)*. Frankfurt am Main: IFR. Available at: https://ifr.org/img/worldrobotics/2023_WR_extended_version.pdf (Accessed: 17 December 2025).
4. North, D.C. (1990) *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press. Available at: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678> (Accessed: 17 December 2025).
5. OECD (1996) *The Knowledge-based Economy* (OCDE/GD(96)102). Paris: OECD. Available at: [https://one.oecd.org/document/OCDE/GD\(96\)102/en/pdf](https://one.oecd.org/document/OCDE/GD(96)102/en/pdf) (Accessed: 17 December 2025).
6. OECD (2023a) *Education at a Glance 2023: OECD Indicators (Report PDF)*. Paris: OECD Publishing. Available at: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/09/education-at-a-glance-2023_581c9602/e13bef63-en.pdf (Accessed: 17 December 2025).
7. OECD (2023b) *Economic Survey of Korea 2023*. Paris: OECD Publishing. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-economic-surveys-korea_19990707.html (Accessed: 17 December 2025).
8. OECD (2023c) *Main Science and Technology Indicators (MSTI) database*. Paris: OECD. Available at: <https://www.oecd.org/en/data/datasets/main-science-and-technology-indicators.html> (Accessed: 17 December 2025).
9. OECD (2023d) *OECD Data: Population and Demography (fertility/population datasets)*. Paris: OECD. Available at: <https://stats.oecd.org/> (Accessed: 17 December 2025).
10. Porter, M.E. (1990) *The Competitive Advantage of Nations*. New York: Free Press. Available at: https://books.google.com/books/about/Competitive_Advantage_of_Nations.html?id=CqZzxAxBpfEC (Accessed: 17 December 2025).
11. Romer, P.M. (1990) 'Endogenous Technological Change', *Journal of Political Economy*, 98(5), pp. S71–S102. Available at: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/261725> (Accessed: 17 December 2025).
12. Sen, A. (1999) *Development as Freedom*. Oxford: Oxford University Press. Available at: <https://global.oup.com/academic/product/development-as-freedom-9780198297581> (Accessed: 17 December 2025).
13. Solow, R.M. (1956) 'A Contribution to the Theory of Economic Growth', *The Quarterly Journal of Economics*, 70(1), pp. 65–94. Available at: <https://academic.oup.com/qje/article/70/1/65/1902574> (Accessed: 17 December 2025).
14. Todaro, M.P. and Smith, S.C. (2020) *Economic Development*. 13th edn. Harlow: Pearson. Available at: <https://www.scirp.org/reference/referencespapers?referenceid=3927782> (Accessed: 17 December 2025).
15. United Nations (2022) *United Nations E-Government Survey 2022*. New York: United Nations. Available at: <https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2022-09/Web%20version%20E-Government%202022.pdf> (Accessed: 17 December 2025).
16. World Bank (2020) *Doing Business 2020: Comparing Business Regulation in 190 Economies*. Washington, DC: World Bank. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/32436> (Accessed: 17 December 2025).

17. World Bank (2023a) *World Development Indicators (WDI): Korea, Rep. (country page)*. Washington, DC: World Bank. Available at: <https://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?country=KOR&source=2> (Accessed: 17 December 2025).
18. World Bank (2023b) *Worldwide Governance Indicators (WGI) – publication page*. Washington, DC: World Bank. Available at: <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators> (Accessed: 17 December 2025).
19. Ministry of the Interior and Safety (MOIS) (2023) *Digital Government Innovation (English)*. Sejong: Government of the Republic of Korea. Available at: <https://www.mois.go.kr/eng/sub/a03/digitalGovInnovation/screen.do> (Accessed: 17 December 2025).